

Е.В. Балацкий

ЦЭМИ РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва

Институциональные реформы и человеческий капитал¹

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие между институциональными реформами и человеческим капиталом. В качестве точки отсчета проводимого анализа используется феномен депопуляции Стивенсона, состоящий в массовом вымирании туземцев Полинезии под воздействием силового навязывания со стороны колонистов новых норм жизни. Приведенные стилизованные примеры позволяют акцентировать внимание на влиянии реформ на человеческий капитал в части жизненного тонуса, здоровья и продолжительности жизни индивидуума. Рассматривается аналогия между феноменом депопуляции Стивенсона и уменьшением населения в ходе институциональных реформ в России 1990-х годов. В рамках междисциплинарного подхода показано, что многие психологи, социологи, политологи, врачи и лингвисты разделяют мнение о влиянии институциональных изменений на жизнеспособность населения. Основной тезис указанных исследований состоит в том, что здоровье человека находится не только внутри него (его тела и сознания), но и вовне (в социальной среде и психологической обстановке). Предложена простая модель экономического роста, из которой следует парадокс реформ, когда продуктивные институциональные изменения порождают экономический спад. Анализ условий возникновения указанного парадокса показывает, что масштаб, глубина и скорость проведения реформ должны быть строго дозированы, в противном случае их отрицательное влияние на людей способно перевесить заложенный в них положительный организационный эффект. Подобная стратегия в противовес шокковой терапии названа адаптивной реформой. Показано, что помимо институциональных изменений на человеческий капитал разрушительное влияние оказывает и технологический прогресс, который также инкорпорируется в предлагаемую модель экономического роста.

Ключевые слова: институты, реформы, экономический рост, адаптивные реформы, человеческий капитал.

Классификация JEL: E02, O43, J24.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-5

1. Введение: краткий обзор проблематики

В настоящее время интенсивно развивается институциональная экономика и смежный с ней раздел — *теория реформ*. В сферу интересов исследователей попадают разнообразные вопросы, однако относительно небольшое внимание в литературе уделяется связи между реформами и человеческим капиталом (ЧК). Цель статьи — дать простейшее описание указанной связи с получением практических выводов применительно к политике реформ.

В настоящее время взаимосвязь между реформами и ЧК рассматривается в ограниченном диапазоне проблем. Например, в исследовании (Wang, Yao, 2001) рассмотрена динамика накопления ЧК в Китае по показателю средней продолжительности школьного обучения насе-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2020 г. по теме «Политико-экономические закономерности функционирования и эволюции экономической системы России». Автор выражает искреннюю благодарность В.М. Полтеровичу и анонимному рецензенту за сделанные ими замечания.

ления в возрасте 15–64 лет. Авторы показали, что данный фактор положительно влияет на динамику производства, однако темпы его роста значительно снизились в период реформ 1978–1999 гг. и его вклад в рост ВВП стал меньше, чем в дореформенный период 1952–1977 гг. Тем самым на эмпирическом материале продемонстрировано, что экономические реформы могут быть сопряжены с нарушением накопления ЧК.

Воздействие реформы здравоохранения на трудовые ресурсы в данной отрасли были освещены во многих публикациях. Однако в основном все эти работы сосредоточены на том, как вводимые новые правила работы изменяли способы взаимодействия медицинских работников со своим рабочим местом, но лишь немногие из них уделяли внимание обратному процессу – тому, как работники вписывались в новые институты. Этот пробел отчасти восполняет статья (Rigoli, Dussault, 2003), в которой рассматривается диалектика взаимосвязи между целями/стратегиями реформ и целями/стратегиями тех, кто должен их реализовать. В частности, авторы показали, что вводимые институциональные нормы не только влияют на профессиональные характеристики медицинских работников, но и формируют новые поведенческие модели персонала.

В статье (Maksymenko, Rabbani, 2011) проанализировано влияние экономических реформ и ЧК на экономический рост в Индии и Южной Корее в постреформенные периоды. Для этого авторы построили модифицированную производственную функцию, в которой ВВП зависит от физического капитала, труда, человеческого капитала и реформ. При эмпирической апробации модели авторы использовали стандартный показатель ЧК и сводный индекс реформ. Основная экономическая реформа в Южной Корее произошла в 1965 г., а в Индии – в середине 1980-х годов. В связи с этим авторы строят эконометрические модели на данных 12 послереформенных лет: для Южной Кореи это период 1966–1977 гг., а для Индии – 1992–2003 гг. Согласно расчетам в обеих странах физический и человеческий капиталы положительно влияли на экономический рост, тогда как реформы в Южной Корее стимулировали рост, а в Индии – сдерживали (Maksymenko, Rabbani, 2011). Важный момент данного исследования состоит в предположении, что реформы не влияют на ЧК. Примечательно, что в своей более ранней работе (Rabbani, Maksymenko, 2008) авторы указывают на аналогию между их производственной функцией и функцией Ф. Кушнирского (Kushnirsky, 2001) и констатируют, что политика, направленная на стимулирование накопления ЧК, оказывает взаимодополняющее воздействие на эффективность экономических реформ.

В работе (Fleisher, Li, Min, 2008) также сделана попытка рассмотреть влияние ЧК и рыночных реформ на экономический рост. При этом выбранная авторами производственная функция в явном виде не учитывает реформы, но при этом в качестве объясняющих пере-

менных в ней используются прокси-переменная, оценивающая жесткость бюджетных ограничений; основной и человеческий капиталы, где последний разделен на два субпоказателя – численность работников, окончивших или не окончивших школу, и численность занятых с образованием выше школьного (Fleisher, Li, Min, 2008). Кроме того, авторы учитывают побочный эффект от ЧК, введя специальную переменную, включающую долю людей, имеющих высшее образование и/или ученую степень, а также душевой ВВП, расстояние между конкретной провинцией и регионом с самым высоким душевым ВВП; для региона с максимальным ВВП на душу населения побочный эффект от ЧК отсутствует (Fleisher, Li, Min, 2008, p. 37). Эконометрические расчеты авторов для Китая показали, что рост экономики провинций зависит от физического, человеческого и инфраструктурного капиталов, распространения новых технологий и рыночных реформ; при этом влияние прямых иностранных инвестиций увеличилось после 1994 г. из-за ускорения рыночных преобразований после поездки Дэн Сяопина на юг страны в 1992 г. Одновременно с этим расчеты показали, что побочное влияние ЧК на рост было гораздо сильнее до 1994 г. (Fleisher, Li, Min, 2008). Тем самым авторы в очередной раз продемонстрировали, что реформы могут отрицательно воздействовать на ЧК.

В статье (Deining, Jin, Yadav, 2009) рассмотрена земельная реформа, начатая в Индии вскоре после обретения ею независимости. Данная реформа включала: 1) отмену посредников в качестве сборщиков доходов, 2) введение потолка на землевладение и предоставление прав безземельным, 3) реформу арендной платы за землю. Проведенные авторами эконометрические расчеты показали, что земельная реформа в Западной Бенгалии привела не только к повышению производительности труда, но и к росту инвестиций в образование со стороны домохозяйств-бенефициариев (Deining, Jin, Yadav, 2009). Тем самым была эмпирически установлена позитивная связь между реформами и последующим накоплением ЧК.

Можно отметить спектр работ, в которых рассматриваются организационные и управленческие проблемы взаимосвязи между реформами и ЧК. Например, в Австралии действует сектор образования взрослых и общин (Adult and Community Education, ACE), который ставит целью адаптировать население к новым приоритетам правительства и рынка путем обновления его ЧК. Специалисты отмечают наличие резервов сектора ACE для увеличения вклада в поток ЧК в рамках Программы национальных реформ Австралийского Правительства (Council of Australian Governments' National Reform Agenda) (Choy, Haukka, 2007).

Резюмируя вышеприведенный обзор, можно указать на главный недостаток существующих разработок в области реформ и ЧК: эти два явления, как правило, рассматриваются как независимые, тогда как главный постулат нашего исследования состоит в активном влиянии институциональных реформ на ЧК. Судя по всему, основная причина

указанного недоучета фактора реформ на динамику ЧК связана с зауженной трактовкой последнего, сводящей его к формальным образовательным параметрам. Ниже мы рассмотрим более широкое понятие ЧК, включающее не только профессиональные качества людей, но их жизненные установки, представления о мире, ценности, здоровье (особенно психоэмоциональное), устойчивость к стрессам и мотивацию к активному образу жизни. Такой прием позволяет построить аналитическую схему, в которой изменение институтов непосредственно влияет на накопление ЧК и экономический рост.

2. Метод стилизованных примеров и нарративный анализ

Рассмотрение взаимосвязи двух факторов экономического роста – институтов и ЧК – будем осуществлять с помощью *метода стилизованных примеров* (МСП), который в последнее время обрел большую популярность (Аджемоглу, Робинсон, 2015) и для данной цели представляется наиболее подходящим аналитическим инструментом. При таком подходе МСП представляет собой своеобразную конкретизацию нарративного анализа, которому посвящено множество работ (например, (Akerlof, Snower, 2016; Shiller, 2017, 2019a, 2019b; Herrmann-Pillath, Bau Macedo, 2019)). Согласно Р. Шиллеру *нарративы* представляют собой архетипические истории, повествования, понятия и идеи, которые повсеместно распространяются в обществе и выражают дух времени (Шиллер, 2018). В этом случае сама экономика воспринимается как нейронная сеть индивидов с их мозгом, связанных языком и нарративами. Как правило, нарративы имеют визуальные образы и связаны с интересами людей, в связи с чем они вызывают сильные эмоции, распространяются как вирусы и определяют поведение многих индивидов (Шиллер, 2018).

Однако для нас особое значение имеет связь между нарративами и нейрологией. Например, эпидемиология объясняет распространение нарративов, а эндокринология и генетика показывают, как гормоны (особенно тестостерон и окситоцин) и гены людей влияют на экономическое поведение субъектов, формируя тем самым ментальную основу нарративной экономики (Шиллер, 2018). Такой подход выводит на первый план вопросы культуры и культурного капитала. Пользуясь термином Шиллера, для нас созвездие повествований (нарративов) применительно к проблеме реформ и ЧК будут служить путевые очерки Р.Л. Стивенсона, изданные в 1896 г. (Стивенсон, 2005). При этом все рассматриваемые нарративы будут основаны на тезисе теории регуляции Р. Буайе, согласно которому производственные отношения не являются простым рыночным взаимодействием равных субъектов, а имеют частично контрактный, частично принудительный характер (Буайе, 1997). Именно насильственный характер всех реформ лежит в основе их влияния на культурные коды и формирование социальных издержек индивидов.

3. Феномен депопуляции Стивенсона: исторический контекст

По-видимому, одним из первых обнаружил и раскрыл связь между реформами и ЧК Р.Л. Стивенсон (Стивенсон, 2005). В частности, он обратил внимание на активное вымирание населения южных островов Тихого океана под воздействием европейской цивилизации. Причем, по выражению Стивенсона, уменьшение населения шло с двух сторон: двери смерти широко распахнуты, а двери рождения почти закрыты (Стивенсон, 2005, с. 35)². В отличие от «гигиенических», «медицинских» и «моральных» теорий, выдвигаемых его современниками в качестве объяснения депопуляции аборигенов, Стивенсон продемонстрировал поразительную по тому времени проницательность, дав институциональную трактовку наблюдаемого явления. В основе его объяснения лежали два взаимосвязанных основополагающих правила. Во-первых, чем значительнее институциональные реформы, тем сильнее проявляется эффект депопуляции туземного населения. Это связано с тем, что любые институциональные сдвиги несут с собой перемены в культуре, к которым народ, как правило, не готов, и ему нужно время, чтобы к ним приспособиться. Во-вторых, первое правило действует независимо от того, какими являются институциональные реформы, – благотворными или вредными, прогрессивными или регрессивными. Даже в случае внедрения заведомо более эффективных институтов правило депопуляции населения остается инвариантным (Стивенсон, 2005, с. 45).

В качестве иллюстрации правила Стивенсона рассмотрим вслед за ним пять туземных институтов, подвергшихся радикальным реформам со стороны белых поселенцев. Выбранные фрагменты имеют признаки стилизованных примеров, позволяя почти в чистом виде пронаблюдать сущностные моменты рассматриваемого явления.

Первый пример связан с отменой такого атрибута мужской одежды, как юбка. Колонистам подобная одежда представлялась нелепой, и даже неприличной, в связи с чем они навязали местному населению свою норму – брюки. Достойный вклад в данную институциональную инновацию внесли жены миссионеров, которые считали, что пристойным могут быть только те костюмы, к которым они привыкли на родине (Стивенсон, 2005, с. 77). Не исключено, что брюки обладали большей функциональностью и универсальностью. Однако отказ от традиционной одежды и замена прохладных, здоровых и скромных лава-лава (юбок) на душные и неудобные брюки для туземцев оказался своеобразным культурным шоком, который способствовал снижению их жизненного тонуса и развитию среди них депрессивных настроений. Мнение Стивенсона на этот счет весьма определено: «A rriōi кажется, что не может быть сравнения между переходом от пальмового сока к скверному джину и от островной юбки к европейским брюкам. Однако я далеко не убежден, что одно вреднее другого;

² В качестве иллюстрации этого тезиса Стивенсон приводит следующий факт: «...За шесть месяцев 1888 г. в районе Хатикуе умерло двенадцать человек, а родился всего один ребенок» (Стивенсон, 2005, с. 35).

и народ, не привычный к европейской моде, когда-нибудь вымрет от булавочных уколов <...> Опыт показывает нам (по крайней мере, на Полинезийских островах), что перемена обычаев смертельнее артиллерийского обстрела <...> На лотосовых островах – там, где люди перестают радоваться жизни, наступает упадок самой жизни» (Стивенсон, 2005, с. 45–44).

Второй пример иллюстрирует запрет определенных видов туземных танцев, которые, по мнению колонистов, были двусмысленными. Судя по всему, им казалось, что движения танцоров имели скрытый эротический смысл, а это не соответствовало нормам пуританской морали миссионеров. В ряде случаев на основании донесений жандармов, стремящихся лишь укрепить свою власть, один танец за другим помещался в разряд нежелательных (Стивенсон, 2005, с. 71). Не исключено, что некоторые запреты имели определенный резон для упорядочения социальной жизни, однако у аборигенов, столетиями практиковавших это развлечение, они вызвали сильнейший стресс, лишив их важного канала эмоциональной разрядки, формы проведения досуга и проявления радости. Итогом стали упадок искусства танца и усиление депрессивных настроений среди туземного населения.

Третий пример показывает эффект от запрета института татуировок. Вне всякого сомнения, с медицинской и гигиенической точек зрения данное нововведение было прогрессивным, однако разрушение традиционного островного института имело глубокие культурные последствия. Дело в том, что искусство тату было встроено в общий уклад жизни аборигенов. «На Маркизских островах ничто, кроме татуировки, не указывает разницы в общественном положении» (Стивенсон, 2005, с. 68). Все мужское население имело татуировки в силу обычая, согласно которому женщина не могла выйти замуж за мужчину, не имеющего достойного рисунка на теле³. Более того, искусство тату среди местного населения было доведено до такой степени, что мастера этого дела создавали художественные шедевры на телах своих подопечных и пользовались огромным уважением среди соплеменников. «Маркизское искусство татуировки не имело себе равных, исполнение было утонченным, узоры в высшей степени красивыми и замысловатыми, ничто так не подчеркивает красоту мужчины» (там же, с. 85). Вполне логично, что среди мужского населения шла конкуренция за лучшую татуировку, служившую знаком привилегированного положения человека. По мнению Стивенсона, татуировка на руках и ногах одной королевы канибалов представляла собой величайший из существующих шедевров этого искусства (там же, с. 70). Неудивительно, что новый запрет лишил работы мастеров тату, нарушил традицию выбора супруга, разрушил устоявшиеся эстетические нормы и т.д. Подобная ломка жизненного уклада не могла не вызвать падения жизненного тонуса у аборигенов.

³ Данное правило породило даже один курьезный случай: белый шотландец, влюбившийся в туземную красавицу, решил жениться на ней; когда он объяснился с ней, она заявила, что не может сочетаться браком с человеком без татуировки. Шотландца это не остановило – он заплатил немалые деньги местному мастеру, который покрыл его татуировкой с головы до пят. Однако в таком виде он вызвал смех у туземной красавицы и она все-таки отказала ему (Стивенсон, 2005, с. 62).

Четвертый пример — это запрет каннибализма и всего, что с ним связано. Дело в том, что местное население периодически делало военные вылазки в соседние племена, результатом чего становилась смерть определенного числа врагов, поедание их останков, а иногда и коллекция их голов. Разумеется, подобный обычай в целом был деструктивным и не соответствовал современным цивилизационным нормам, однако он позволял туземным племенам своевременно решать проблему перенаселенности и голода. Кроме того, институт каннибализма сопрягался с массой социальных регуляторов. Так, он стимулировал военные навыки мужского населения, служил поводом для праздников по поводу победы и ритуалов оплакивания сородичей, инициировал специфические ремесла (изготовление оружия, приготовление еды из человечины, копчение голов и т.п.) и использовался в качестве социального лифта для поднятия общественного статуса воинов. При этом, по утверждению Стивенсона, островные каннибалы отнюдь не были жестоки; не считая указанного обычая, туземцы проявляли изрядное добродушие. По мнению Стивенсона, резать мясо мертвого человека гораздо менее жестоко, чем угнетать его при жизни (Стивенсон, 2005, с. 83). Более того, даже сами жертвы каннибалов при жизни получали мягкое обращение, а умирали они неожиданно и безболезненно (с. 83). Крушение института каннибализма в одночасье разрушило почти всю социальную модель населения острова.

Пятый пример касается дарованной демократии. Когда, например, французы свергли наследственную тиранию, предоставили простолюдинам-маркизам звание свободнорожденных граждан Республики и право голосовать за генерального советника на Таити, то вопреки ожиданиям они тем самым возмутили общественное мнение и породили социальный хаос. Как пишет Стивенсон, возможно, необходимо было свергнуть вождей и назначить других, но при этом не нарушать сложившихся семейных иерархий (Стивенсон, 2005, с. 48). Новая власть изначально не обладала престижем; первое лицо было вождем для французов и ходило на завтрак к резиденту, «однако во всех практических делах правления проку от него было не больше, чем от тряпичной куклы» (с. 49). В связи с этим «легитимный каннибал был вынужден ехать верхом через горы», чтобы сделать работу за официальное лицо, в то время как «респектабельный назначенец в белом одеянии мог только смотреть и завидовать» (с. 50). Подобное двоевластие порождало у местных жителей неопределенность, социальную дезориентацию и психологический дискомфорт.

Помимо разрушения рассмотренных пяти институтов на многих островах были введены запреты на чародейство, многобрачие, курение

⁴ Разумеется, на разных островах южных морей слом рассмотренных институтов дополнялся разрушением других, более или менее значимых норм жизни, что усугубляло растерянность туземцев. Например, муж, слишком сильно ударивший свою жену сковородкой по голове за то, что она неудачно развела огонь и подожгла кухонную постройку, чуть было не оказался строго осужден лишь потому, что жена перед этим успела произнести ритуальные слова: «И Кана Ким». Это своеобразная формула уничижения и признания своей вины; после ее произнесения виновный, как правило, получал прощение. Если бы жена не произнесла этих слов, то ее можно было бы ударить даже котлом по голове — и это не считалось бы преступлением. Понятно, что отмена такого нелепого обычая также вела к различным коллизиям среди аборигенов, способствуя их правовой дезориентации даже внутри семьи (Стивенсон, 2005, с. 211).

табака и выписаны строгие предостережения относительно соперничающих христианских сект⁴ (с. 78). Все это привело к разрыву социальной ткани местного общества, что не просто понизило жизненный тонус населения, но привело к потере самого смысла жизни и желания жить. Неудивительно, что возникший в результате реформ эмоциональный провал предопределил высокую смертность аборигенов и их последующую депопуляцию. Характеризуя психологическое состояние туземцев, Стивенсон подчеркивал, что «полинезийцы подвержены скорее болезни воли, чем тела. <...> Маркизец с ужасом взирает на близящееся исчезновение его народа... Вешаться вошло в моду» (там же, с. 37). Подобный упадок духа порождал в туземцах нелепый страх перед призраками и темнотой (с. 39). По свидетельству Стивенсона, в результате реформ маркизцам стали присущи такие качества, как всеобщая депрессия, смиренное отношение к обреченности своего народа, склонность к самоубийству и равнодушие к жизни (с. 38).

4. Реформы как предмет экономической антропологии

Описание механизма депопуляции Стивенсона предполагает несколько понятий. Прежде всего это институты, т.е. нормы поведения; сами же нормы — это правила, которым следуют большие группы людей (Полтерович, 1999). Вторым понятием является реформа — целенаправленная деятельность людей по преобразованию действующих институтов. Как правило, реформы проводятся в целях повышения эффективности (качества) институтов, однако на практике результат может существенно отклоняться от задуманного. Третьим понятием выступает человеческий капитал — совокупный запас знаний, навыков, установок, ценностей, мотиваций и жизненных сил человека (Беккер, 2003). Сумма ЧК всех членов общества представляет собой нематериальную часть культуры соответствующего народа.

Ключевым моментом для понимания обсуждаемого явления выступает тот факт, что культура существует в условиях определенных институтов, которым соответствует запас и качество специфического ЧК населения. Следовательно, при проведении реформы происходит разрушение старого института, а вместе с ним списание соответствующего ему ЧК с одновременным созданием нового института, для которого необходим иной ЧК. Именно эффект обновления ЧК ставит временные пределы эффективности любых реформ. Строго говоря, даже списание старых культурных норм не может происходить мгновенно, формирование же новых требует, как правило, значительного времени, что выдвигает на первый план проблему адаптации людей к институциональным реформам.

В случае депопуляции Стивенсона происходит разрушение традиционных институтов вместе с соответствующими им ценностями, идеалами, установками и опытом. Замещение старого ЧК новым — с новыми ценностями, идеалами, установками и опытом — требует

определенного времени. В промежутке между тем, когда старый капитал списан, а новый – еще не сформирован, субъект испытывает когнитивно-эмоциональный кризис, сильно напоминая эффект когнитивного диссонанса, но с гораздо более широкой палитрой ментальных и психосоматических эффектов. Фактически речь идет о том, что начинают действовать новые институты (нормы), в то время как необходимый для них ЧК еще не накоплен. В итоге у людей возникает психологический и эмоциональный дискомфорт, ведущий, в конечном счете, к депрессии той или иной степени тяжести. Необходимость жить в новых институциональных условиях на фоне неприятия новых ценностей порождает падение жизненного тонуса, сокращение продолжительности и качества жизни, уменьшение рождаемости, рост смертности и т.п. Конечным итогом этих процессов становится депопуляция населения.

Рассматриваемое столкновение институтов и культуры в результате реформ представляет собой специфическое явление, которое может служить основой экономической антропологии, изучающей динамику поведенческих моделей народов под воздействием экономических (институциональных и технологических) факторов. Именно этим обстоятельством определялся выбор источника хрестоматийных нарративов относительно аборигенов Полинезии (Стивенсон, 2005). Однако сегодня таких источников уже достаточно много, что позволяет говорить о вирусном свойстве подобных нарративов. Для примера укажем на роман нигерийского писателя Чинуа Ачебе «И пришло разрушение», изданный в 1958 г. По признанию Чимаманды Нгози Адичи, книга представляет собой «хронику культурных и политических перемен, которые мы видим в современном африканском государстве» (Ачебе, 2013, с. 6). В указанной хронике показана ломка традиционного уклада африканской общины в результате ее насильственного приобщения к благам цивилизации. Главная мысль повествования состоит в том, что национальные проблемы не могут быть решены средствами, полученными в наследство от колонизаторов. Данная идея (нарратив) является своеобразным мегатрендом современной африканской литературы.

5. Социальные основы вырождения: междисциплинарный подход

Две с половиной тысячи лет назад китайский философ Конфуций, разработавший правила поведения чиновника, использовал своеобразное пожелание врагу: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!» Иными словами, уже в глубокой древности люди знали о разрушительной роли реформ для человеческой личности. Концепция депопуляции Стивенсона раскрывает афоризм Конфуция: непродуманные реформы оказывают разрушительное действие на психику человека, вплоть до развития разных форм депрессий, неврозов, комплексов, фобий,

маний, и в конечном счете сокращения продолжительности жизни. На первый взгляд, данный тезис является слишком сильным и категоричным, а главное, нетрадиционным, ибо недвусмысленно предполагает, что социальные процессы непосредственно влияют на биологическую составляющую человека. Как это ни парадоксально, но современная наука уже *de facto* приняла этот тезис. Для примера рассмотрим лишь некоторые догадки представителей разных наук, имея в виду, что список примеров может быть продолжен.

Так, французский социолог П. Бурдьё напрямую говорит об «удивительной инерции, которая является следствием вписанности социальной структуры в тела» (Bourdieu, 2000, p. 172). Американский политолог С. Льюкс усиливает положение Бурдьё, утверждая, что «удивительная инерция» выходит далеко за пределы того, что мы сегодня знаем о механизмах и эффектах телесного 'инкорпорирования'» (Льюкс, 2010, с. 205). Итальянский психолог А. Менегетти вообще придерживается радикального взгляда: человек – метаболизированная информация. Согласно его воззрениям в основе ментальной природы заболеваний лежит тот факт, что мозг человека представляет собой сложную информационную систему, которая постепенно метаболизирует организм человека. Соответственно – плохой информационной системе соответствует плохая органика, и наоборот (Менегетти, 2006, с. 21).

Немецко-американский философ и лингвист О. Розеншток-Хюсси пришел к еще более радикальному выводу о том, что биологическое вырождение человека имеет социальную природу. «Мысль – это социологический и биологический процесс. И процесс этот может осуществиться, лишь пройдя ряд фаз или остановочных пунктов» (Розеншток-Хюсси, 2008, с. 119). Продолжая свою генеральную мысль, О. Розеншток-Хюсси говорит: «Вопросы наследственности и вырождения широко обсуждаются сегодня в медицине и евгенике. Однако вырождение – также феномен мышления и психологии. Здоровые дети здоровых родителей могут пострадать из-за неспособности этих последних передать детям свои собственные убеждения. Целые поколения могут оказаться на стадии вырождения из-за интеллектуальной безответственности предшественников по отношению к потомству. Это – упадок, вырождение. Однако мы, нынешнее поколение, почти всегда ничтоже сумняшеся сводим вырождение к проклятию унаследованных болезней и немощей. И тем самым искусственно сужаем сферу вырождения...» (там же, с. 151). Далее автор вводит даже понятие «социального метаболизма», возникающего в результате вербальной коммуникации людей (там же, с. 180).

Для понимания физиологических и социальных факторов приведем ставший хрестоматийным случай, получивший название «загадка Розето» и описанный канадским социологом М. Гладуэллом. Остановимся на нем подробнее в силу его откровенной стилизованности и комплексности. Суть его заключается в том, что в США, штат

Пенсильвания, имеется город Розето, состоящий исключительно из итальянских эмигрантов, уникальность которых состояла в необычных медицинских параметрах: ни один из них моложе 55 лет не умер от инфаркта и не имел никаких сердечных заболеваний; среди людей старше 65 лет смертность от болезней сердца составляла половину от средних показателей по стране; смертность от всех других причин была на 30–35% ниже, чем должна была бы быть (Гладуэлл, 2009, с. 10).

Скрупулезные исследования показали, что ни один из традиционных факторов не являлся причиной наблюдаемого феномена. Фактор специальной здоровой национальной диеты горожан был отвергнут в первую очередь: розетонцы все готовили на свином жире, а не на полезном оливковом масле, как это принято в Италии; поглощаемая горожанами местная пицца прогибалась под тяжестью сосисок, пеперони, салями, ветчины и яиц, что совершенно не соответствовало итальянским стандартам; всевозможные сладости, печенье и соленые баранки полагаются потреблять только на Рождество, тогда как в Розето ими лакомились круглый год. На следующем этапе исследования был отвергнут фактор здоровой жизни и спорта: розетонцы не вставали на рассвете, не занимались йогой и не пробегали по шесть километров; более того, одни курили сверх всякой меры, а другие страдали от ожирения. Третьим был исключен фактор хорошей генетической наследственности: были изучены медицинские карты всех родственников розетонцев, проживающих в других районах США; никто из них не обладал отменным здоровьем (там же, с. 11). Четвертым потерпел фиаско экологический фактор, согласно которому город находился в предгорьях Пенсильвании с прекрасным климатом и воздухом и не имел развитой промышленности: по соседству с Розето с идентичными экологическими параметрами (размер, климат, экономика) располагались два города – Бангор и Назарет. Анализ медицинских карт жителей обоих городов показал, что среди людей старше 65 лет смертность от сердечных заболеваний у них была в три раза выше, чем у розетонцев. Фактор эффективной медицинской помощи также не имел смысла: в городе, численностью 2 тыс. человек, просто не могло быть ультрасовременных клиник и штата выдающихся врачей (там же, с. 12).

Таким образом, ни диета, ни спорт, ни экология, ни особые гены, ни эффективная система здравоохранения не смогли объяснить загадку Розето. И лишь пристальные наблюдения социологов показали, что тайна здоровья жителей Розето состоит в сформировавшейся в городе особой культуре, создающей максимально комфортный моральный и психологический климат. Люди часто ходят в гости и готовят друг для друга угощения; под одной крышей живут три поколения на основе традиции большого уважения к пожилым людям; церковь успокаивает и сплачивает собравшихся в ней людей; в городе из 2 тыс. человек насчитывалось 22 общественные организации; богатые не выставляют напоказ свое богатство и помогают менее удачливым горо-

жанам (там же, с. 12). Окончательный вывод исследователей состоял в том, что здоровье не только внутри человека, но и в окружающей его социальной среде. «Необходимо принять идею о том, что ценности того мира, в котором мы живем, и люди, которые нас окружают, оказывают глубочайшее влияние на нашу личность» (там же, с. 13).

Среди врачей описанные выше эффекты хорошо известны и имеют соответствующие термины. Например, сегодня внутри медицинской науки есть раздел, называющийся социальной медициной; в фокусе ее внимания система охраны здоровья, состояние общественного здоровья и организация медицинской помощи (Василенко, 2004). Одним из центральных понятий данного раздела науки является так называемая неинфекционная пандемия, когда происходит распространение заболевания без прямого заражения. Наиболее яркими примерами неинфекционной пандемии Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признает массовое ожирение и диабет, ставшие бичом развитых стран на рубеже XX и XXI в. (Неинфекционные заболевания, 2018, с. 6).

Интересно, что известный русский психиатр В.Х. Кандинский еще в XIX в. писал: «Болезни, поражающие сразу множество людей, называются повальными, или эпидемическими болезнями... Не одни только телесные болезни способны к эпидемическому распространению; болезни души, психические расстройства также нередко принимают эпидемический характер» (цит. по (Василенко, 2004, с. 45)). Поразительно, что мнение Стивенсона о подобных заболеваниях очень созвучно оценкам Кандинского: «К таким примерам морального и интеллектуального движения масс, порою принимающего форму резкого душевного расстройства, мы совершенно вправе приложить название «душевные эпидемии». Аналогия с телесными эпидемиями здесь полная... Оспа и чума уносили прежде тысячи и десятки тысяч жертв и опустошали целые страны. Душевные эпидемии не менее губительны» (цит. по (Василенко, 2004, с. 45)). К психическим эпидемиям Кандинский относил так называемые индуцированные поступки (убийства, самоубийства и т.п.) (там же, с. 45). Считается, что психические эпидемии служат симптомом «смутного времени» и социальных катаклизмов (там же, с. 46). Как всем нам известно, реформы часто продуцируют «смутные времена» и социальные катаклизмы.

Еще одним важным медицинским понятием, имеющим отношение к депопуляции Стивенсона, является коллективный иммунитет, который проявляется в том, что чем больше число невосприимчивых (или переболевших) к заболеванию людей в сообществе, тем меньше вероятность заразиться у людей из группы риска. В частности, чем больше доля вакцинированных людей, тем меньше риск заболевания даже у тех, кто не делал прививки. Не случайно первая задача Европейской недели иммунизации, проводимой под эгидой ВОЗ в 2018 г., состояла в повышении осведомленности о том, как вакцины работают для защиты здоровья тех, кто был вакцинирован, и тех, кто

не может быть вакцинирован, при помощи коллективного иммунитета (Европейская неделя иммунизации..., 2018, с. 4). Исследования коллективного иммунитета становятся все более популярными среди медиков (см., например, (Авдонина и др., 2019)). Напомним, что в 2020 г. стратегия правительства Швеции, отказавшегося вводить строгие карантинные меры во время распространения коронавируса COVID-19, состояла в задействовании коллективного иммунитета нации (Тяпкин, 2020). Аналогичную политику избрала и Беларусь. Последующие события полностью оправдали выбранную указанными странами стратегию.

В свою очередь, о проявлениях потери коллективного иммунитета медицинские источники констатируют следующее: «При определенном состоянии общества (моральной и психической деградации) обыкновенные микроорганизмы, покрывающие наше тело и привычно паразитирующие в нем, вдруг становятся заразными (вирулентными), способными вызвать массу неожиданных болезней» (Василенко, 2004, с. 43). Сюда же можно добавить и эффект ноцебо – средства, не обладающего реальным фармакологическим действием, но вызывающего отрицательную реакцию у пациента. Этот термин появился как антитеза плацебо, и оба эффекта имеют психофизиологическую природу. В частности, такая ситуация возникла в свое время со статинами. Из-за эффекта ноцебо сообщения СМИ о мнимых опасностях отрицательно влияют на самочувствие людей из их аудитории. Не случайно информационная истерия СМИ 2020 г. относительно опасности COVID-19 приобрела форму пугающего нарратива с вирусной моделью распространения, а в русском языке породила соответствующий неологизм – коронобесие.

Таким образом, реформы, меняющие социальную среду, действительно могут выступать фактором биологического вырождения, повышения смертности населения и снижения рождаемости, и наоборот, приводить к улучшению здоровья и самочувствия людей.

6. Реформы и человеческий капитал: современные реалии

Наиболее всеобъемлющей работой по теории реформ по-прежнему остается монография (Полтерович, 2007). Однако взаимосвязь реформ и ЧК в ней освещается лишь отчасти и ограничивается в основном рассмотрением роли гражданской и политической культуры (там же, с. 284). Влиянию культуры на эффективность реформ и экономики посвящено множество исследований⁵. Примечательно, что в работе (Полтерович, 2005) автор вплотную подошел к проблеме социальной рокировки положения людей в ходе реформы. Данный принцип принял форму тезиса № 7 «Руководства для реформаторов»: «слои населения, проигрывающие в результате институциональных преобразований, должны получить достаточную компенсацию; рациональные социальная и промышленная политики являются необходимыми условиями успеха реформ (там же, с. 18). Однако в данном контексте

⁵ Ссылки на соответствующую литературу (см. (Полтерович, 2007)).

автор имел в виду в основном проигрыш в форме потери должностей, привилегий, льгот, доходов и т.п. Вместе с тем, как было показано выше, проигрыш может принимать и форму списания ЧК — девальвации профессии и образования, потери мотивации, снижения жизненного тонуса, ухудшения здоровья и т.п.

В контексте связи реформ с ЧК следует отметить, что депопуляция Стивенсона в больших сообществах имеет гетерогенный характер, т.е. у одной части населения списывается гораздо больший объем человеческого капитала, чем у другой части. Иногда свойство гетерогенности может приводить к парадоксальной ситуации, когда от реформ проигрывают (по крайней мере на начальном этапе) обладатели большого объема человеческого капитала, а выигрывают те, кто не был обременен таковым.

Россия периода реформ, начинающегося после 1991 г., полностью вписывается в феномен депопуляции Стивенсона. Этот эффект характеризуется следующими выборочными данными: согласно Росстату в 1993 г. численность населения страны составляла 148,6 млн человек, тогда как в 2009 г. — 142,7⁶. Таким образом, за 16 лет реформ исчезли около 6 млн россиян. Параллельно имел место спад в ожидаемой продолжительности жизни: в 1990 г. она составляла 69,1 лет, а в 2003 г. — 64,8. Еще более информативной является статистика самоубийств, число которых в 1986 г. в стране составило 33 тыс. человек (23,1 на 100 тыс. жителей), а в 1995 г. их число поднялось до 62 тыс. человек (41,0 на 100 тыс. жителей) (Богоявленский, 2001, с. 2). Причем добровольный уход из жизни в значительно большей мере характерен для мужчин. На временном интервале 1956–1999 гг. соотношение самоубийств мужчин и женщин колебалось от 3 до 6 (там же, с. 2). Тем самым все признаки депопуляции Стивенсона в России проявлялись достаточно четко, причем тяжесть реформ в большей степени легла на плечи мужчин, которые традиционно ответственны за обеспечение благосостояния семьи.

Продолжим использовать МСП применительно к индивидуальной модели депопуляции Стивенсона в современной России и рассмотрим реальный случай, показывающий механику «реформаторского социального триггера» от начала до конца. В одном столичном университете России в 2019 г. было введено требование наличия публикаций в журналах зарубежных баз данных Web of Science и Scopus для занятия должностей доцента и профессора⁷. Один из пожилых профессоров вуза, проработавший в данной должности десятилетия, не прошел аттестацию по данному критерию. В результате администрация факультета предложила ему годовой контракт на должность ассистента. Восприняв подобное предложение как глубочайшее оскорбление и бесконечную несправедливость, профессор, придя домой, совершил самоубийство, выбросившись из окна. В данном примере мы видим, как новое правило полностью обнулило прошлые заслуги человека, а администрация

⁶ См.: <https://www.gks.ru/>

⁷ Во избежание возможных претензий к автору: здесь рассматривается обезличенный пример, в котором принципиально избегаем названия вуза и имен персонажей.

вуза предложила унижительный для него вариант продолжения работы. Вызванные этим инцидентом отрицательные эмоции и депрессия привели в конечном счете к самоубийству.

Наиболее ярким примером свойства гетерогенности депопуляции может служить ситуация в профессорском корпусе российских вузов. Так, в начале 2013 г. заработная плата профессора с докторской степенью в московском вузе составляла 65% средней заработной платы по городу. В это же время в столичных исследовательских институтах Российской академии наук (РАН) заработная плата главного научного сотрудника с докторской степенью и званием профессора составляла около 50% среднероссийского уровня. Для сравнения: заработная плата докторов наук в СССР составляла 350–400% средней по стране. Дополнением к сказанному может служить следующий типичный пример: в 2001 г. выпускница вуза, устроившаяся на работу в туристическое агентство, через год получала в 10 раз больше, чем профессора в ее университете (Балацкий, 2014).

7. Масштаб, глубина и скорость реформ: модельный анализ

Все сказанное ранее недвусмысленно подводит к пониманию того, что все реформы, даже заведомо эффективные, должны быть строго дозированными, т.е. иметь ограниченный масштаб (широту), глубину (радикальность) и частоту (скорость). Иначе говоря, реформы должны быть растянутыми во времени. Совершенно очевидно, что если реформа захватывает большое число институтов и сфер социальных отношений, при этом радикально их перекраивает и проводится в сжатые сроки, то потери ЧК и нарушение культурного кода будут заведомо предельно большими. Вполне резонно допустить, что при указанных обстоятельствах даже прогрессивные и хорошо продуманные институциональные изменения могут привести к отрицательному результату. В связи с этим задача состоит в построении простой аналитической схемы, с помощью которой можно показать, что слишком быстрое проведение реформ способно не только разрушать ЧК, но и приводить к экономическому спаду, что автоматически делает реформу провальной (неэффективной); долгосрочные же эффекты выходят за рамки нашей задачи.

Рассмотрим простейшую разновидность производственной функции:

$$Y(t) = f(I(t), H(I(t) - I(0)), K(t)), \quad (1)$$

где Y – объем произведенного ВВП; I – качество (эффективность) институтов; H – объем человеческого (культурного) капитала; K – качество (эффективность) основного капитала (технологий). Принципиальное отличие (1) от похожих построений состоит в том, что институты не только сами по себе влияют на экономический рост, но еще воздействуют и на фактор ЧК посредством реформ.

Определим реформу R как совокупное изменение качества институтов за период реформирования T , т.е. $R = I(T) - I(0)$ или

$$R = \int_0^T dI(t), \quad (2)$$

где t – текущее время (год); T – длительность периода, в течение которого реализуется проект реформы. Предполагается, что величина R задана (константа), и чем она больше, тем масштабнее проводимая реформа. В данном случае реформа предполагает проект с определенным планом действий (нормативных и организационных), которые должны быть реализованы в установленные (плановые) сроки T . Следовательно, реформа на начальном этапе является успешной при выполнении двух условий: $R > 0$ и $dY/dt > 0$. Реформа является глобально успешной, когда оба условия выполняются для всех $t < T$ (эффект последствия реформы выходит за рамки наших построений)⁸.

Для простоты последующих выкладок будем полагать, что реформа осуществляется ритмично, равными институциональными порциями в каждый период времени, т.е. скорость изменения эффективности институтов является постоянной величиной:

$$dI/dt = R/T. \quad (3)$$

Дополнительно предположим, что реформа двояко влияет на ЧК: с одной стороны, он обесценивается и списывается из-за изменений правил игры, с другой – начинается адаптация к новым институтам посредством накопления новых навыков и знаний. Тогда динамика ЧК в простейшем случае описывается следующим уравнением:

$$dH/dt = -\alpha(dI/dt) + \beta = -\alpha R/T + \beta, \quad (4)$$

где $\alpha > 0$ – скорость устаревания и списания ЧК под воздействием институциональных изменений, а $\beta > 0$ – скорость его накопления при адаптации к новым институтам (параметр β имеет смысл только при наличии изменения институтов, в противном случае $\beta = 0$). Здесь и далее предполагается, что новый ЧК накапливается естественным темпом β , зависящим от физических и ментальных возможностей людей. Иными словами, адаптация ЧК к новым институтам не зависит от специфики реформы, а определяется физиологическими возможностями индивидуумов. Потери же капитала не зависят от его начального значения и полностью определяются масштабом реформы.

Прирост выпуска в результате проведения реформы можно представить в виде разложения:

$$dY/dt = (\partial Y/\partial I)(dI/dt) + (\partial Y/\partial H)(dH/dt) + (\partial Y/\partial K)(dK/dt). \quad (5)$$

Уравнение (5) позволяет проанализировать эффект, когда первичный импульс реформы приводит к росту или спаду производства. Впоследствии экономическая динамика может меняться, но в фокусе нашего внимания находится первичная реакция системы на институциональные сдвиги.

⁸ Во избежание двусмысленности будем полагать, что целью реформ является рост экономики и уровня общественного благосостояния, хотя в реальности реформы часто имеют совершенно иные цели.

8. Парадокс реформы и условия его возникновения

Первым шагом к провалу реформ является отрицательная динамика ЧК. Это зависит от величины длительности реформы (в (5) все предельные производительности факторов положительны: $\partial Y/\partial I > 0$; $\partial Y/\partial K > 0$; $\partial Y/\partial H > 0$):

$$T^{**} = \alpha R / \beta. \quad (6)$$

Если предположить, что проводимая реформа не влияет на ВВП ($dY/dt = 0$), учесть (3) и (4) и допустить, что реформа R не затрагивает технологической сферы ($dK/dt = 0$), то получим следующее выражение для минимальной продолжительности реформы:

$$T^* = \frac{R}{\beta} \left(\alpha - \frac{\partial Y / \partial I}{\partial Y / \partial H} \right). \quad (7)$$

При $T < T^{**}$ человеческий капитал убывает, и это – необходимое условие провала реформы. Если же $T < T^* < T^{**}$, то эффект от уменьшения человеческого капитала перевешивает эффект от роста качества институтов и тем самым является достаточным условием провала реформ ($dY/dt < 0$). Тем самым неправильно выбранный темп реформы, которая изначально может быть прогрессивной и улучшать существующие институты, способен привести к спаду выпуска. Такой эффект будем называть парадоксом реформ. Повторим: источником рассмотренного парадокса в нашем случае является ЧК, который обладает способностью разрушаться в процессе реформ и тем самым компенсировать положительный вклад от улучшения институтов.

Для конкретизации соотношения для T^* возьмем простейшую линейную производственную функцию:

$$Y = A + aI + bH + cK, \quad (8)$$

где A , a , b и c – параметры функции Y . Тогда соотношение (7) принимает вид

$$T^* = \frac{R}{\beta} \left(\alpha - \frac{a}{b} \right). \quad (9)$$

Таким образом, теоретически имеется предел в сроках проведения реформ, следовательно, и в их скорости. Для того чтобы данное утверждение имело экономический смысл, должно выполняться условие $T^* > 0$ (неравенство $T^{**} > 0$ является очевидным). Такое условие обеспечивается выполнением неравенства $\alpha > a/b$. Отсюда видно, что парадокс реформ возникает при достаточно интенсивном списании ЧК и большой отдаче от него по сравнению с отдачей от институтов. Характерно, что в данном случае неравенство не зависит от времени t , следовательно, оно гарантирует экономический спад на протяжении всего периода реформ T .

Разумеется, использованные выше зависимости не имеют универсального характера, однако в данном случае они служат для иллюстрации главного тезиса о существовании барьера в скорости институ-

циональных преобразований, за которым возникает первоначальный шок в форме парадокса реформ. При необходимости все построения можно выполнить в общем виде.

9. Обобщение модели с учетом технологического прогресса

Все сказанное выше относительно институциональных реформ может быть применено и к технологическому прогрессу, который также вызывает экономический шок с соответствующим разрушением ЧК и культуры. Достаточно упомянуть такие психические заболевания, как игромания, возникшая на фоне компьютерных игр, формирование специфического языкового интернет-сленга, обедняющего и уродующего его исходный потенциал, ослабление личных контактов между людьми при переходе на онлайн-общение, клиповое мышление и т.д. Кроме того, появление новых технологий приводит к девальвации или полному уничтожению определенных профессий. Несложно видеть, что здесь имеет место тот же самый эффект отрицательного влияния новых прогрессивных технологий на ЧК. Тогда исходная модель (1) с учетом влияния на ЧК институциональных и технологических изменений трансформируется следующим образом:

$$Y(t) = f(I(t), H(I(t) - I(0), K(t) - K(0)), K(t)). \quad (10)$$

Тогда логично ввести гипотезу о наличии технологической модернизации M , которая проводится в течение периода T и приводит к росту эффективности основного капитала: $M = K(T) - K(0)$. В этом случае технологическая модернизация является аналогом институциональных реформ: $M > 0$. Для простоты предположим, что технологический прогресс осуществляется равномерно:

$$dK / dt = M / T, - \quad (11)$$

а динамика ЧК будет включать два экзогенных шока – институциональный и технологический:

$$dH / dt = -\alpha(dI / dt) - \gamma(dK / dt) + (\beta + \mu), - \quad (12)$$

или с учетом (3) и (4) в виде:

$$dH / dt = \beta + \mu - (\alpha R + \gamma M) / T, \quad (13)$$

где $\gamma > 0$ – скорость устаревания и списания ЧК под воздействием технологических новшеств, а $\mu > 0$ – скорость его накопления при освоении новых технологий.

Тогда при синхронизации прогрессивных институциональных и технологических сдвигов время их проведения будет ограничено величиной

$$T^* = \frac{(\alpha R + \gamma M)(\partial Y / \partial H) - R(\partial Y / \partial I) - M(\partial Y / \partial K)}{(\beta + \mu)(\partial Y / \partial H)}. \quad (14)$$

В случае линейной производственной функции (8) выражение для продолжительности реформ упрощается:

$$T^* = \frac{R(\alpha - a/b) + M(\gamma - c/b)}{\beta + \mu}. \quad (15)$$

При этом условие неубывания человеческого капитала обеспечивается величиной

$$T^{**} = \frac{\alpha R + \gamma M}{\beta + \mu}. \quad (16)$$

Выкладки относительно выполнимости условия $T^* > 0$ тривиальны.

Таким образом, форсирование институциональных и технологических изменений, как это ни парадоксально, может приводить к падению производства и недопустимо большим социальным издержкам у населения. В этом смысле учет влияния институтов и технологий на культуру (ЧК) открывает, на наш взгляд, интересные перспективы в области теории реформ и экономической антропологии.

10. Заключение

В одной из своих работ В.М. Полтерович сравнил институциональные реформы с технологическими изменениями, географическими открытиями, войнами и природными катаклизмами (Полтерович, 2014, с. 169). Данные сравнения являются на редкость удачными, ибо показывают разрушительный потенциал реформ и технологического прогресса, даже если речь идет о шумпетеровском созидательном разрушении. В данной статье сделан акцент именно на деструктивной роли реформ в отношении сложившейся культурной платформы народа.

Главный вывод статьи состоит в том, что коль скоро реформы и технологический прогресс имеют характер управляемых стихийных бедствий, то следует делать все для ослабления этих бедствий путем взятия их под контроль. В противном случае возникает вероятность разрушения культурных основ наций с последующим глобальным цивилизационным кризисом. Единственный способ избежать указанной опасности состоит в переходе к политике адаптивных реформ, которые, не нанося непоправимого культурного урона в краткосрочном периоде, позволят обеспечить рост ЧК в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Авдони́на Л.Г., Па́тяшина М.А., Исаева Г.Ш., Решетникова И.Д., Тюрин Ю.А., Куликов С.Н., Юзлибаева Л.Р., Гилязутдинова Г.Ф., Хакимов Н.М. (2019). Коллективный иммунитет к вирусу кори у медицинских работников и студентов медицинских колледжей в Республике Татарстан // *Эпидемиология и вакцинопрофилактика*. № 18 (1). С. 43–49. [Avdonina L.G., Palyashina M.A., Isaeva G.S., Reshetnikova I.D., Tyurin Yu.A., Kulikov S.N., Yuzlibaeva L.R., Gilyazutdinova G.F., Hakimov N.M. (2019). Collective immunity to virus measles of medical workers and students of medical colleges in the Republic of Tatarstan. *Epidemiology and Vaccinal Prevention*, 18 (1), 43–49 (in Russian).]

- Аджемоглу Д., Робинсон Д.** (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. [**Acemoglu D., Robinson D.** (2015). *Why some countries are rich and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty.* Moscow: AST (in Russian).]
- Ачебе Ч.** (2013). И пришло разрушение: Роман. М.: Книжный клуб Книговек. [**Achebe Ch.** (2013). *Things fall apart.* Moscow: Knizhniy Klub Knigovek (in Russian).]
- Балацкий Е.В.** (2014). Истощение академической ренты // *Мир России*. № 3. С. 150–174. [**Balatsky E.V.** (2014). Depletion of academic rents. *World of Russia*, 3, 150–174 (in Russian).]
- Беккер Г.С.** (2003). Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ. [**Becker G.S.** (2003). *Human behavior: An economic approach.* Moscow: Higher school of Economics (in Russian).]
- Богоявленский Д.** (2001). Российские самоубийства и российские реформы // *Население и общество*. № 52. С. 1–4. [**Bogoyavlensky D.** (2001). Russian suicides and Russian reforms. *Population and Society*, 52, 1–4 (in Russian).]
- Буйе Р.** (1997). Теория регуляции. Критический анализ. М.: Научно-издательский центр «Наука для общества», РГГУ. [**Boyer R.** (1997). *Theory of regulation. Critical analysis.* Moscow: Scientific publishing center “Science for society”, RSUH (in Russian).]
- Василенко Н.Ю.** (2004). Основы социальной медицины. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета. [**Vasilenko N.Yu.** (2004). *Fundamentals of social medicine.* Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta (in Russian).]
- Гладуэлл М.** (2009). Гении и аутсайдеры: Почему одним все, а другим ничего. М.: Альпина Бизнес Букс. [**Gladwell M.** (2009). *Geniuses and outsiders: Why one has everything and the other nothing.* Moscow: Alpina Business Books (in Russian).]
- Европейская неделя иммунизации 23–29 апреля 2018 г. (2018). ВОЗ. Европейское региональное бюро. [*European immunization week April 23–29* (2018). World Health Organization (in Russian).]
- Льюкс С.** (2010). Власть: Радикальный взгляд. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. [**Lewis S.** (2010). *Power: A radical view.* Moscow: Publishing house of the National Research University “Higher School of Economics” (in Russian).]
- Менегетти А.** (2006). Монитор отклонения в человеческой психике. М.: ННБФ «Онтопсихология». [**Meneghetti A.** (2006). *Monitor deviations in the human psyche.* Moscow: NNBF “Ontopsychology” (in Russian).]
- Неинфекционные заболевания (2018). Всемирная организация здравоохранения, Европейское региональное бюро. [*Non-communicable diseases* (2018). World Health Organization (in Russian).]
- Полтерович В.М.** (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*. Т. 35. № 2. С. 3–20. [**Polterovich V.M.** (1999). Institutional traps and economic reforms. *Economics and Mathematical Methods*, 2 (35), 3–20 (in Russian).]

- Полтерович В.М.** (2005). К руководству для реформаторов: некоторые выводы из теории экономических реформ // *Экономическая наука современной России*. № 1 (28). С. 7–24. [**Polterovich V.M.** (2005). To the guide for reformers: Some conclusions from the theory of economic reforms. *Economics of Contemporary Russia*, 1 (28), 7–24 (in Russian).]
- Полтерович В.М.** (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика. [**Polterovich V.M.** (2007). *Elements of reform theory*. Moscow: Ekonomika (in Russian).]
- Полтерович В.М.** (2014). Почему реформы терпят неудачу // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (23). С. 169–173. [**Polterovich V.M.** (2014). Why Reforms Fail. *Journal of the New Economic Association*, 3 (23), 169–173 (in Russian).]
- Розеншток-Хюсси О.** (2008). Речь и действительность. М.: Лабиринт. [**Rosenstock-Hussi O.** (2008). *Speech and reality*. Moscow: Labyrinth (in Russian).]
- Стивенсон Р.Л.** (2005). В Южных морях. СПб.: Пропаганда. [**Stevenson R.L.** (2005). *In the South seas*. Saint Petersburg: Propaganda (in Russian).]
- Тяпкин П.** (2020). О причинах «успеха» шведской стратегии борьбы с коронавирусом // *EurAsiaDaily*, 6 апреля. [**Tjapkin P.** (2020). On the reasons for the “success” of the Swedish strategy to combat to coronavirus. *EurAsiaDaily*, 6 April (in Russian).]
- Шиллер Р.Дж.** (2018). Нарративная экономика и нейроэкономика // *Финансы: теория и практика*. Т. 22. № 1. С. 64–91. [**Shiller R.J.** (2018). Narrative Economics and neuroeconomics. *Finance: Theory and Practice*, 22, 1, 64–91 (in Russian).]
- Akerlof G.A., Snower D.J.** (2016). Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71.
- Bourdieu P.** (2000). *Pascalian meditations*. Stanford: Stanford University Press.
- Choy S., Nauka S.** (2007). Human capital development: reforms for adult and community education. *Australian Journal of Adult Learning*, 47, 1, 46–63.
- Deininger K., Jin S., Yadav V.** (2009). *Impact of land reforms on human capital formation household level evidence from West Bengal*. American Agricultural Economics Association Annual Meeting, Milwaukee.
- Fleisher B.M., Li H.Z., Min Q.** (2008). Human capital, economic growth, and regional inequality in China. *IZA Discussion Papers*, No. 3576. Institute for the Study of Labor (IZA). Bonn.
- Herrmann-Pillath C., Bau Macedo L.O.** (2019). *Narratives and economic policy: Theoretical explorations and the Brazilian case*. SSRN Electronic Journal.
- Kushnirsky F.** (2001). A modification of the production function for transition economies: reflecting the role of institutional factors. *Comparative Economic Studies*, 43, 1–30.
- Maksymenko S., Rabbani M.** (2011). Economic reforms, human capital, and economic growth in India and South Korea: A cointegration analysis. *Journal of Economic Development*, 36, 2, 39–57.
- Rabbani M., Maksymenko S.** (2008). *Do economic reforms and human capital explain post-reform growth?* Northeastern Association of Business, Economics, and Technology Proceedings, 202–232.

- Rigoli F., Dussault G.** (2003). The interface between health sector reform and human resources in health. *Human Resources for Health*, 03 November, 1–12.
- Shiller R.J.** (2017). Narrative economics. *American Economic Review*, 107 (4), 967–1004.
- Shiller R.J.** (2019a). Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling*, 41(3), 477–488.
- Shiller R.J.** (2019b). *Narrative Economics*. Princeton: Princeton University Press.
- Wang Y., Yao Y.** (2001). Sources of China's economic growth, 1952–1999: Incorporating human capital accumulation. *Policy Research Working Paper #2650*. The World Bank.

Поступила в редакцию 10.04.2020

Received 10.04.2020

E.V. Balatsky

Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Institutional reforms and human capital⁹

Abstract. The article focuses on the interaction between institutional reforms and human capital. The Stevenson depopulation phenomenon is the starting point of the analysis. The stylized examples allow to highlight the impact of reforms on human capital, including vitality, health and life expectancy. Within the framework of an interdisciplinary approach, it is shown that many psychologists, sociologists, political scientists, doctors and linguists share the opinion about the impact of institutional changes on the viability of the population. The proposed simple model of economic growth demonstrates the principle of the need to dose reforms, i.e. to limit their scale, depth and speed of implementation. This strategy in contrast to shock therapy is called adaptive reform. The article examines the interaction between institutional reforms and human capital. As a starting point of the analysis, the phenomenon of Stevenson's depopulation is used, which consists in the mass extinction of the natives of Polynesia under the influence of the forceful imposition of new standards of life by the colonists. These stylized examples allow us to focus on the impact of reforms on human capital in terms of the vitality, health and life expectancy of an individual. The analogy between the phenomenon of Stevenson's depopulation and the decrease in the population during the institutional reforms in Russia in the 90s is considered. Within the framework of an interdisciplinary approach, it is shown that many psychologists, sociologists, political scientists, doctors and linguists share the opinion about the impact of institutional changes on the viability of the population. The main thesis of these studies: a person's health is not only inside him (his body and consciousness), but also outside (in the social environment and psychological environment). A simple model of economic growth is proposed, from which the paradox of reforms follows, when productive institutional changes generate an economic downturn. The analysis of the conditions for the emergence of this paradox shows that the scale, depth and speed of reforms should be strictly dosed, otherwise their negative impact on people can outweigh the positive organizational effect inherent in them. It is shown that in addition to institutional changes, technological progress also has a destructive impact on human capital, which is also incorporated into the proposed model of economic growth.

Keywords: *institutions, reforms, economic growth, adaptive reform, human capital.*

JEL Classification: E02, O43, J24.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-5

⁹ The article was prepared at the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2020 on the topic «Political and economic laws of the functioning and evolution of the economic system of Russia». The author expresses his sincere gratitude to V.M. Polterovich and the anonymous reviewer for their comments.